

Великому наставнику Фану пришлось приложить поистине титанические усилия, чтобы умилостивить уязвленного монарха. Лишь когда буря в душе императора Чунчжао окончательно утихла, тот соизволил расспросить об успехах сына.

Государь полагал, что в столь нежном возрасте ребёнок, даже при всём усердии, не продвинется дальше первых страниц, но ответ Фана его удивил:

— Седьмой принц наделён редким талантом. По моим оценкам, он уже полностью освоил «Троеслобие», а насчёт «Тысячесловия» пока трудно сказать. Он знает множество знаков, вот только письмо... — наставник деликатно кашлянул. — Письмо даётся ему пока с трудом.

В глазах старика ребёнок, сумевший без должного присмотра достичь таких высот, бесспорно заслуживал звания одарённого. Что же до каллиграфии — требовать твёрдой руки от двухлетнего дитя, чьи кости ещё не окрепли, было бы безумием. Хорошо, что он вообще выводит некое подобие знаков.

Опасаясь вновь пробудить императорский гнев, Фан поспешно замял тему с почерком и сосредоточился на ответах Цюй Дубяня, подробно пересказав государю их недавнюю беседу.

Морщины на челе Чунчжао наконец разгладились.

— Что ж, видимо, он пошёл в меня, — изрёк он с довольным видом.

Наставник Фан лишь безмолвно возвёл очи к небу.

«Стоило сесть на трон, и стыд испарился без следа, верно? Помнится, когда я учил Ваше Величество, вы и вполтину не были так сообразительны, как Маленький принц», — подумал он.

— Когда я наставлял вас, — произнёс старик вслух, — вы далеко не сразу достигли таких успехов.

Император бросил на него косой взгляд.

— Учитель, верно, что-то путает. Память вас подводит.

Фан тут же склонился в поклоне:

— Да-да, Ваше Величество правы. Старый слуга совсем выжил из ума и всё перепутал.

«Конечно, императору можно быть бесстыдным», — усмехнулся он про себя.

И, выждав паузу, спросил:

— Так что же с Седьмым принцем?

Раз тайна уже перестала быть таковой, Чунчжао не видел смысла в прежних запретах.

— Учиться, забившись под стол — это никуда не годится, — отрезал император. — Раз у него есть тяга к знаниям, я издам указ. Пусть посещает уроки вместе с братьями уже сейчас, не дожидаясь трёх лет.

Наставник Фан с облегчением выдохнул.

— Старый слуга искренне рад, что в его школе прибавится столь способный ученик.

Лишь евнух Юй, стоявший поодаль, незаметно наострил уши, пытаясь разгадать истинные намерения государя. Означает ли этот приказ, что император начал выделять мальчика среди прочих? Неужели он решил пренебречь предостережениями Астрологического управления и не отсылать принца в загородный дворец? Евнух осторожно покосился на господина, но лицо Чунчжао оставалось непроницаемой маской.

Вскоре после ухода наставника Фана Драгоценная наложница Лань прислала слугу с приглашением. Император, будучи в добром расположении духа и всё ещё под впечатлением от рассказов о талантах младшего сына, решил нанести визит во дворец Сюсян. Ему вдруг захотелось проверить, как обстоят дела с учёбой у Шестого принца.

Шестой принц по возрасту был ближе всех к Седьмому принцу. Он совсем недавно переступил порог школы и постигал лишь самые азы.

Чунчжао недолго поиграл с ребёнком, а затем опустил его на пол. Он никогда не баловал сыновей чрезмерной лаской.

— Ну, как тебе в школе? Много ли успел выучить?

Наложница Лань просияла:

— И учитель Си, и наставник Фан в один голос хвалят его. Говорят, он схватывает всё на лету.

Любопытство императора разгорелось ещё сильнее.

— Вот как? Ну-ка, Малыш Лю, подойди к отцу. Я проверю твои знания.

Даже когда государь не гневался, его аура оставалась тяжёлой и давящей. Мальчик замер перед ним, едва смея дышать.

Император не стал мудрствовать и задал те же три вопроса, которыми Фан испытывал Седьмого принца.

— Скажи мне, кого называют «опорой государства»? Назови четыре сословия.

На личике Шестого принца отразилось полнейшее недоумение. Чунчжао решил помочь:

— Учёные, земледельцы... а кто ещё?

Мальчик замялся, не в силах вымолвить и слова. Улыбка на лице наложницы Лань стала натянутой.

— Ваше Величество, быть может, спросите что-нибудь другое?

— Хорошо, — кивнул Чунчжао. — В народе разводят шесть видов домашних животных. Убийство какого из них карается по закону?

Принц от страха начал кусать пальцы, бросая на мать полные отчаяния взгляды.

— Ваше Величество, ребёнок сегодня просто не в духе, — поспешно вмешалась наложница. — Попробуйте задать...

— Довольно.

Интерес императора мгновенно угас. Он редко баловал вниманием младших сыновей, сосредоточив все надежды на Первом, Втором и Третьем принцах — своих старших наследниках. Сегодня его привлекла лишь надежда на такую же живую беседу, какую Фан вёл с Седьмым принцем.

Однако невежество Шестого принца развеяло это очарование.

Государь собирался навестить мать Первого принца и, уходя, бросил как бы невзначай:

— Хоть он ещё и мал, но раз уж пошёл в школу, тебе, Драгоценная наложница, следует строже следить за его успехами. Завтра Седьмой принц присоединится к братьям в учении. Он самый младший, но весьма сообразителен. Пусть Малыш Лю не ударит в грязь лицом перед братом.

Позволив Седьмому принцу посещать школу, император и впрямь проявил некоторую благосклонность. Пророчество Астрологического управления всё ещё внушало ему опасения, но прошло уже больше двух лет, и, возможно, в том, чтобы оставить мальчика в столице, не было большой беды. Главное — не сближаться с ним лично до трёхлетнего срока.

А школа — прекрасное место, чтобы заранее укрепить братские узы. Уж слишком непотребно вчера вёл себя Первый принц.

Наложница Лань склонилась в глубоком поклоне.

— Слушаюсь, Ваше Величество. Я всё поняла.

Император давно ушёл, но она продолжала стоять, застыв в поклоне. Ласковая улыбка медленно сползла с её лица, обнажив холодную, едва ли не безумную ярость. Длинные, ухоженные ногти до боли впились в ладони.

Лянь Чжу поспешила на помощь хозяйке, поддерживая её под локоть.

— Когда... — прошептала наложница. — Когда это случилось?

Где-то там, за пределами её взора, ребёнок той никчёмной женщины снова завладел вниманием императора.

Она резко обернулась к сыну и выдохнула, не в силах сдержать гнев:

— Почему ты не ответил?! Почему этот сопляк знает, а ты — нет?!

Шестой принц боялся отца, но мать его страшила не меньше.

— Но я правда не знаю! — всхлипнул он. — Наставник никогда не задавал таких вопросов! Зачем ты кричишь на меня?

Тем вечером наложница Лань заставила рыдающего сына восемьдесят восемь раз повторить ответы на эти вопросы. Голос мальчика охрип, глаза опухли от слёз. Сидя на краю постели, он чувствовал, как в его сердце закипает глухая обида на Седьмого брата, которого он даже никогда не видел.

«Проклятый выскочка! И зачем только он учится так быстро?!»

Указ не заставил себя ждать. Не дожидаясь утра, император распорядился допустить Седьмого принца к занятиям в Шести дворцах Восточного сада. Весть об этом мгновенно разлетелась по всему гарему.

Евнух Юй даже отправил посыльного в далёкий дворец Цзюйань, чтобы лично передать волю государя.

Снаружи снова закружились редкие снежинки, но во дворце Цзюйань было тепло и уютно. Седьмой принц, только что допивший молоко, сидел, укутавшись в одеяло, на мягком ковре и лакомился печёными мандаринами прямо у жаровни — в их маленьком мире наконец-то появились фрукты.

Между делом он учил Е Сяююаня и Вэнь Сяочуня грамоте.

Когда в дверь постучали, мальчик как раз ворчал:

— Нет, опять не так! Спутник Е, ты снова прочитал неверно...

— Ваше высочество, кто-то пришёл, — прервал его Сяочунь.

— В такой час? Кто бы это мог быть?

— Сейчас посмотрю.

Вэнь Сяочунь приоткрыл дверь, и в комнату ворвался вихрь из мелких снежинок, мгновенно превратившихся в капли воды на полу. Седьмой принц увидел, как старый вяз во дворе покрылся инеем, сверкающим в свете фонарей. Он плотнее прижал к себе одеяло, чувствуя, как сердце наполняется тихим счастьем. Что может быть лучше, чем пить горячий настой у огня в такую непогоду? Жизнь в Цзюйане наконец-то стала напоминать сказку.

Вэнь Сяочунь вернулся так быстро, что едва не сбил ширму. Обычно степенный и сдержанный, он на радостях забыл даже отряхнуть снег с плеч.

— Приходил человек от Его Величества! — выпалил он, сияя от восторга. — Государь приказал: с завтрашнего дня Ваше высочество может официально посещать уроки в Шести дворцах!

Е Сяююань вскочил с места:

— Что? Ты не ошибся?

— Всё верно! Клянусь, сейчас об этом гудит весь дворец.

— Наша госпожа хранит нас... — Сяююань сложил ладони в молитвенном жесте, обращаясь к пустоте. — У Вашего высочества всё налаживается.

Вчера — тушь и бумага, сегодня — доступ в школу. О таком раньше они не смели и мечтать. Видимо, после того случая на кухне император вспомнил о сыне. Хотя им и нельзя видаться, но знакомство с братьями в Восточном саду поможет укрепить семью в будущем.

— Ваше высочество, почему вы молчите? Разве вы не рады? — Сяююань посмотрел на Маленького принца.

Мальчик, как раз отпивавший глоток сладкой воды, замер на мгновение, а затем широко улыбнулся:

— Рад, конечно. Я очень рад.

То, что отец позволит ему учиться, было ожидаемо. Седьмой принц думал о другом. По тем обрывкам разговоров, что он слышал, сидя под столом, его братья были далеко не ангелами.

«Похоже, завтра будет весело».

Новость о том, что Седьмой принц в обход правил допущен к учёбе, всколыхнула гарем с новой силой. В Седьмом принце внезапно проснулась его прежняя натура — притягивать к себе всеобщее внимание. Наложницы, охваченные беспокойством, вспомнили те времена, когда красавица Юнь безраздельно властвовала над сердцем государя.

«Неужели и Седьмой принц станет таким же исключением? Какое проклятие: мать умерла, но её влияние теперь перешло к сыну?»

В караульне сменилась стража. Евнух Юй вышел на террасу дворца Цзычэнь, вглядываясь в высокие ступени, припорошенные снегом. Весь Запретный город тонул в призрачной дымке морозного тумана.

Он подышал на озябшие ладони.

«Изменится ли порядок во дворце? Всё зависит от того, останется ли Седьмой принц в

столице».

На следующее утро Цюй Дубянь не стал вставать ни свет ни заря. Ему больше не нужно было прокрадываться в зал теней, поэтому он не спеша сделал зарядку, плотно позавтракал и лишь затем отправился в Восточный сад.

Однако привычка — дело серьёзное. Раньше он жевал лепёшки, прячась под столом, и теперь чувствовал, что без какого-нибудь перекуса урок пройдёт впустую. Он велел Е Сяююанню насыпать ему в карман сумки горсть очищенных сухофруктов.

Система молчала: И Шиэра поблизости не было. Видимо, убедившись, что жизнь принца вошла в мирную колею, за ним перестали следить так пристально.

В Восточном саду учитель Си ещё не появился, но атмосфера в зале была странной.

У Шестого принца глаза опухли от слёз, и он сидел, надувшись, как рассерженный воробей. Первый принц, жестоко наказанный за свои слова, едва шевелил рукой — от бесконечного переписывания заданий его кисть ныла. Настроение у него было паршивое.

— Слышал я, — вкрадчиво начал Второй принц, — что вчера старший брат простоял на коленях целый час. Как ваши ноги? Сильно болят?

Колени у Первого принца горели огнём, но он лишь процедил:

— Пустяки. Всё в порядке.

— Конечно-конечно, — подхватил Третий принц. — Брат у нас такой крепкий, разве это для него помеха?

Первый принц взглянул на его постное лицо, и в груди у него похолодело от раздражения.

— Хватит уже кривляться, тошно смотреть, — огрызнулся он.

— Я лишь проявил заботу, — Третий принц кротко опустил глаза. — Если я чем-то обидел брата, готов просить прощения.

От этой напускной покорности Первому принцу стало ещё тоскливее.

Цюй Дубянь вошёл последним. На нём был светло-голубой халат с оторочкой из мягкого

кроличьего пуха, щёки розовели с мороза, а волосы были завязаны в забавный пучок. Мальчик стоял, спрятав ладони в широкие рукава, и с невозмутимым видом, совсем как взрослый, оглядывал присутствующих. Его живые, тёмные глаза внимательно изучали братьев.

Первый принц, помня о недавней трёпке, не рискнул выказывать пренебрежение.

— Седьмой брат, — сухо поприветствовал он.

— Я твой Второй брат, — отозвался следующий.

Третий принц слабо закашлялся, прикрыв рот платком:

— Зови меня Третьим братом. Я приболел в последнее время и уже шёл на поправку, но как увидел тебя — так разволновался, что болезнь, кажется, вернулась.

«Бедный Маленький принц. Столько лет в забвении... если он вырастет таким же хилым и пугливым — что ж, тем лучше для всех нас», — подумал он.

Какова бы ни была правда, приличия следовало соблюдать. Слуги всех принцев поспешили преподнести Цюй Дубяню подарки, которые их хозяйки готовили всю ночь. Е Сяююань с улыбкой принимал подношения.

У Цюй Дубяня тоже были припасены дары, но, будучи самым младшим, он не был обязан дарить ничего ценного. Он выудил из кармана горсть сухофруктов, и его лицо мгновенно озарилось лукавой улыбкой.

В его движениях не было ни капли страха или робости. В прошлой жизни он пробивался к вершинам лишь благодаря актёрскому мастерству; будь он застенчив, не видать ему ролей как своих ушей.

— Первый брат, Второй брат, Третий брат! Четвёртый, Пятый, Шестой! Здравствуйтесь-здравствуйтесь!

Он весело раздавал угощения. Даже Четвёртому принцу, который дремал на своём месте, Цюй Дубянь настойчиво всучил полную горсть ягод. Тот удивлённо распахнул глаза, глядя на младшего брата, который порхал по залу, словно весёлый мотылёк.

«Ого... а он довольно милый», — пронеслось в голове Четвёртого принца.

Последняя горсть досталась Первому принцу. И лишь перед Третьим братом весёлый мотылёк вдруг замер в притворном огорчении.

— Ой! — Цюй Дубянь расстроено всплеснул руками. — Как же так, всё закончилось. Я совсем не хотел, правда-правда. Третий брат ведь не станет на меня сердиться?

В зале на мгновение воцарилась тишина, а затем Первый принц громко и искренне расхохотался.

<http://bllate.org/book/16117/1584668>